

МАКСИМ КИРЧАНОВ

***Hilafatul Muslimin* как организация радикальных исламистов в Индонезии**

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-240-261>

Maksym W. Kyrchanoff

Hilafatul Muslimin: Relations between the State and the Radical Islamists in Indonesia

Maksym W. Kyrchanoff — Voronezh State University (Russia).
maksymkyrchanoff@gmail.com

The article highlights the history of relations between secular elites and Islamists within the framework of a confrontational model, including three main stages: 1) 1945–1965: a political split, the struggle against radicals, who proclaimed the Islamic State, and its liquidation; 2) 1966–1998: a “new state” based on secular authoritarian rule and prevention of political radicalization of Islamism, which did not exclude limited concessions to believing Muslims in the early 1990s; 3) from 1998 to the present — the democratization of the political regime, which retained the confrontational model of relations with Islamic radicals, although the latter got the chance of institutionalizing their communities and parties. The article analyzes how radical Islam, represented by Hilafatul Muslimin, gradually penetrated the secular and Muslim political parties, as well as the education system. The author shows the efforts of Islamists in questioning the secular nature of Indonesian statehood and creating communities based on Sharia law. The concept of the Caliphate was central in the political ideology of the Hilafatul Muslimin, who tried to nationalize this concept and integrate it into the international radical Islam.

Keywords: Indonesia, political Islam, Islamic radicalism, Islamism, Hilafatul Muslimin, parallel Islam.

Введение

ИСЛАМ принадлежит к числу важных факторов в политической традиции и культуре современной Индонезии. В стране доминирует умеренный ислам, который контролируется и воспроизводится в общественных, политических и религиозных пространствах двумя крупнейшими мусульманскими общественными организациями («Мухаммадия» и «Нахдлатул Улама»), а также системой среднего и высшего образования, представленными исламскими школами и университетами. Светские власти Индонезии, с одной стороны, а также умеренные организации мусульман и учебные заведения, с другой, принимают участие в дерадикализации индонезийского ислама, периодически «зачищая» его политическое и религиозное пространство от радикальных групп и течений.

Поэтому целью статьи является анализ отношений светских элит с радикальными исламистскими группами в рамках конфронтационной модели через призму деятельности организации *Hilafatul Muslimin* («Мусульманский Халифат») и ее исторических предшественников. В число задач автора входят: 1) изучение основных этапов истории отношений между государством и уммой в контекстах индонезийской политической культуры; 2) рассмотрение идеологических основ и предпочтений *Hilafatul Muslimin* как радикальной исламистской группы; 3) выявление причин политики последовательной ликвидации радикальных течений в исламе со стороны властей; а также 4) рассмотрение последствий и значения деятельности радикалов в контексте функционирования идеологически и генетически родственных исламистских течений в современной Индонезии.

Современная историография имеет опыт изучения индонезийского исламизма как фактора политического развития страны. Данная проблематика периодически оказывается в центре внимания исследователей, но большинство публикаций носят общий характер, что редуцирует анализ исламизма до изучения того, как радикалы продвигают антимодернистскую повестку дня¹. В историографии радикального ислама² актуализируются проблемы его

1. Solahudin (2013) *The Roots of Terrorism in Indonesia: From Darul Islam to Jem'ah Islamiyah*. Cornell: Cornell University Press.
2. Formichi, C. (2021) *Religious Pluralism in Indonesia: Threats and Opportunities for Democracy*. Cornell: Southeast Asia Program Publications.

характера как естественной альтернативы либеральным³ и модернистским течениям⁴. История радикализации ислама, генезис фундаменталистских течений⁵, их идеологическая программа⁶ интегрируются в широкие историографические контексты, представленные работами о дерадикализации и борьбе с исламом⁷. Современная история индонезийского радикального ислама, его идеологические мутации и трансформации⁸ изучаются менее активно, в отличие от других проблем уммы, что придает актуальность анализу радикализации и борьбы с ней в современной Индонезии.

Светское государство и радикальные сегменты уммы: конфронтационная модель развития

Современное государство в Индонезии стало результатом развития национального движения, которое активизировалось в период японской оккупации (с 9 марта 1942 г. по 17 августа 1945 г.) и во время военного конфликта с Нидерландами (17 августа 1945 г. — 27 декабря 1949 г.). Основные идеологические принципы национализма были предложены светскими националистами, хотя большинство населения будущей Индонезии составляли мусульмане. На протяжении второй половины 1940-х гг., в условиях вооруженного конфликта с бывшей метрополией, светские группы окончательно взяли под контроль формирующуюся политическую систему. Линия раскола между ними и мусульманскими активистами проходила по вопросам отношения к исламу. Если гражданские националисты воспринимали ислам как один

3. *Кирчанів М. В.* Індонезійський ісламизм як маргінальний випадок розвитку політичного ісламу в мусульманській країні // Східний світ. 2021. № 3. С. 107–122.
4. *Кирчанов М. В.* «Изобретенные традиции» индонезийского либерального ислама 2000-х — первой половины 2010-х годов // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–29.
5. *Кирчанов М. В.* Институционализированные формы радикального ислама в Индонезии 2010-х гг. // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 263–283.
6. *Кирчанов М. В.* Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 г.: исламизм на распутье // Юго-Восточная Азия. 2021. № 2. С. 130–141.
7. *Другов А. Ю.* Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии // Религия и общество на Востоке. 2020. № 4. С. 230–254; *Рогожина Н.* Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 27–36.
8. *Файншиmidt Р. И.* Факторы радикализации ислама в Индонезии в конце XX — начале XXI в. // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 285–289.

из элементов идентичности, то их религиозные оппоненты настаивали на придании ему государственного статуса.

Принятая в 1945 г. Декларация независимости вообще не упоминала ислам. В 1945 г. были сформулированы принципы панчасилы, которые, хотя и ставили на первое место «веру в единого Бога», тем не менее оказались выдержаны в риторике политического национализма. В такой ситуации на протяжении второй половины 1940-х гг. противоречия между светскими националистами, ставшими основой новой элиты, и их ранними мусульманскими союзниками постепенно углублялись, что привело к расколу.

Наивысшей точкой в конфронтации между националистами и исламистами стало провозглашение в 1949 г. «Исламского государства Индонезия», ликвидированного правительственной армией только к середине 1960-х гг. Появление ИГ, которое не имеет отношения к ближневосточному проекту 2010-х гг. с аналогичным названием, стало исключительно индонезийским проектом, будучи следствием роста противоречий между светскими националистами и сторонниками политического радикального ислама. Вероятно, именно «Исламское государство», которое стало параллельной политической структурой, содействовало институционализации конфронтационной модели отношений между властями и радикальными сегментами уммы. Исламское государство воспринималось его сторонниками как единственно легитимная форма государственности, история появления которой описывалось в категориях исламской революции, а его политика — джихада. В современной индонезийской историографии попытка трансформации Индонезии в исламское государство воспринимается как активизация «группового исламского движения, которое стремилось поддерживать исламское государство с перспективой построения государства, которое было бы похоже на то, что стремился построить пророк Мухаммед в Медине»⁹.

В доктринальном плане ИГ было основано на принятии концепции радикального монотеизма, а в сфере государственного строительства приоритетами считались *байат* (присяга в смысле заключения договора), *хиджра* (в индонезийском случае конца 1940-х — 1950-х гг. — попытка отселения как отдаления от светского режима, который воспринимался как нелегитимный) и *джихад* (воспринимался как «усердие на пути Аллаха» в широ-

9. Hadi, S. (2013) "Negara Islam Indonesia: konsepsi shajarah tayyibah dalam konstruk Negara Islam", *Journal of Qur'an and Hadith Studies* 2(1): 87–104.

ком смысле, что означало как борьбу с внутренними пороками, так и светскими властями, осознаваемыми как антимусульманские). Центральными политическими институтами в Исламском государстве стали Совет имамата, Совет шуры и Совет по фетвам, которые сформировали негативный образ правительства в Джакарте, которое воспринималось в категориях *тагута* и *такфира*, то есть идолопоклонства и неверия. На протяжении первой половины 1960-х гг. Исламское государство было ликвидировано правительственными войсками, а элиты использовали потенциал сторонников радикального ислама для зачистки политического пространства в середине 1960-х гг., используя исламистов для уничтожения коммунистов.

Отстранение от власти Сукарно в 1967 г. и установление «нового порядка» Сухарто привело к институционализации авторитарного режима, который воспринимал альтернативную политическую активность как угрозу. Если светские партии относительно легко были интегрированы в новую авторитарную модель, то исламисты оказались единственной силой, реально противостоящей авторитаризму. Незарегистрированные группы исламистов существовали на протяжении 1970 — 1990-х гг., а некоторые из них были созданы и контролировались активистами ликвидированного ИГ. В результате на протяжении 1970 — 1980-х гг. исламисты подвергались репрессиям со стороны авторитарного государства, которое последовательно отстаивало принципы светскости. Незначительные изменения в отношениях между элитами и уммой стали заметны только в начале 1990-х гг. 6 декабря 1990 г. индонезийцы, с середины 1960-х гг. жившие в условиях авторитаризма, стали свидетелями того, как президент Сухарто, одетый в традиционную одежду сантри, бил в барабан, отмечая первый съезд Индонезийской ассоциации мусульманских интеллектуалов, которая должна была более активно представлять роль уммы в рамках «нового порядка», что она, правда, в полной мере не успела реализовать, так как в 1998 г. в Индонезии начался переход к демократии.

Конфронтационная модель отношений элит и радикальных сегментов уммы в условиях демократического государства

Новый этап отношений между властями Индонезии и уммой начинается в 1998 г., когда произошло отстранение от власти президента Сухарто, а авторитарный режим подвергся демократизации.

Как и раннее, взаимоотношения между светскими элитами и мусульманскими радикалами могут быть определены как конфронтационные. Последствия перехода к демократии для мусульман оказались различны. Во-первых, были созданы формальные основания для свободной деятельности мусульманских партий и групп, хотя таковые существовали и ранее. Во-вторых, переход к демократии существенно расширил возможности активности для мусульманских партийных организаций и общественных объединений. В-третьих, наибольшими бенефициарами среди всех сегментов уммы оказались индонезийские радикалы, которые первыми создали свои организации. В основе деятельности последних лежали радикальные лозунги. Исламисты воспользовались открывшимися возможностями для активной пропаганды собственных идей, основанных на неприятии светского государства.

С 1998 г. в Индонезии легально действовал Фронт защитников ислама, который аккумулировал активность исламистов, определяя направления их деятельности. Фактически Фронт являлся зонтичной организацией для ряда других, более мелких, групп. Первая группа была представлена движением общественных активистов радикальной ориентации, которые открыто выступали против деятельности в Индонезии Сети либерального ислама. Вторая группа была ограничена Национальным движением против алкоголя, направлявшим свои усилия на утверждение и внедрение законов шариата в публичные и общественные пространства страны, в первую очередь — в сфере оборота и продажи алкогольной продукции.

На протяжении 2000–2010-х гг. эти группы действовали относительно мирно, а их деятельность, как правило, приводила к скандалам и взаимным судебным искам между исламистами и их оппонентами по вопросу оскорбления чувств верующих, хотя такая статья в УК Индонезии появилась только в декабре 2022 г., когда парламент криминализировал секс вне брака, супружескую измену и богохульство. Крупнейшими успехами этих групп стало фактическое прекращение активной деятельности либеральных мусульман и отстранение от должности в 2017 г. Басуки Пурнамы — христианского губернатора Джакарты китайского происхождения. Подобная активность исламистов не могла не вызывать беспокойства со стороны властей. Поэтому конец 2010-х гг. отмечен обострением отношений между сторонниками радикального ислама и светскими элитами.

Формальным поводом к ограничению деятельности групп исламистов путем их запрета и ликвидации стало игнорирование

антиковидных ограничений 2020 — 2021 гг. Именно под таким предлогом был арестован Хабиб Ризик Шихаб, лидер Фронта защитников ислама, а сам Фронт в 2020 г. был распущен властями. Запрет деятельности Фронта и его фактическая ликвидация привели к установлению ситуации временной организационной и институциональной неопределенности среди индонезийских сторонников радикального ислама. Эти меры полицейского и административного воздействия, с одной стороны, а также объективная неспособность исламистов, с другой, консолидироваться, не сняли в полной мере угрозу радикализации ислама в современном индонезийском обществе, так как внесистемные группы, несравнимые по масштабу деятельности с Фронтом, все же сохранили свою активность. Поэтому на протяжении начала 2020-х гг. власти Индонезии продолжили свою политику направленную на дерадикализацию уммы, что выразилось в ее последовательной «зачистке» от экстремистских групп. Подобная политика привела к ликвидации в июне 2022 г. *Hilafatul Muslimin* — организации, представлявшей радикальное течение в индонезийском исламе.

***Hilafatul Muslimin* и правящие элиты: противостояние**

Формально *Hilafatul Muslimin* в Индонезии может быть отнесена к числу старейших исламистских групп. Она была основана в 1977 г. Абдулом Кадиром Хасаном Бараджей, который в 1970 г. присоединился к «Даруль Ислам», а позднее являлся учителем в школе-интернате Нгруки — частном исламском учебном заведении. К концу 1970-х гг. Бараджа успел сформировать конфликтные отношения с режимом Сухарто, в результате чего дважды арестовывался. Политика «нового порядка» в отношении политического ислама была настороженной. Поэтому исламисты действовали без регистрации и не имели легального статуса. Движение в качестве массовой организации было зарегистрировано только спустя 20 лет после фактического появления — в 1997 г.

В уставных документах организация позиционировала себя как «форум для исламской уммы через продвижение системы халифата»¹⁰. *Hilafatul Muslimin* на данном этапе своей деятельности претендовала на двойственную легитимность в глазах сторонни-

10. Maklumat. Jum'at, 13 Rabiul Awwal 1418 H bertepatan dengan 18 Juli 1997 M. [<https://web.archive.org/web/20220107131508/https://khilafatulmuslimin.net/maklumat/maklumat-bahasa/>, accessed on 05.06.2023].

ков радикального ислама. С одной стороны, не отрицалась связь с национальными исламистами, представленными проектом «Исламского государства», о котором речь шла выше. С другой, организация не скрывала созвучия своих идей с принципами «Даруль Ислам». Опыт личной биографии Бараджи и общие идеологические предпочтения возглавляемого им движения привели к определенной маргинализации *Hilafatul Muslimin* на фоне других исламистских организаций.

Hilafatul Muslimin четко отличала себя от других исламских групп в Индонезии, воспринимая последние как *ширк* и относя только себя к *джамаату*. *Ширк*, по мнению исламистов, — это «группа, созданная людьми, которая никогда не была примером Пророка Мухаммеда и его сподвижников». К таковым они относили светские движения, а также своих умеренных оппонентов, представленных мусульманскими партиями. Что касается самопозиционирования, то исламисты настаивали на том, что только они представляют в Индонезии саму идею «джамаата», воспринимаемого в качестве группы, «провозглашенной Всевышним Аллахом и созданной Пророком Мухаммедом и его сподвижниками»¹¹.

Поэтому *Hilafatul Muslimin*, настаивавшая на своей решительности принимать участие в «распространении исламских учений с верующим имамом или халифом во главе»¹², избегала контактов с Министерством по делам религий, хотя формально должна была регистрироваться в последнем, информируя его о своей активности. Подобная позиция группы, как и близких ей сил, содействовала росту «религиозной напряженности на региональном уровне»¹³. Несмотря на такой полулегальный статус, исламисты в 2011 г. пытались интегрироваться в систему мусульманского образования, создав собственную школу¹⁴, фактически используемую в качестве площадки для пропаганды идей всемир-

11. Apakah yang membedakan antara Firqoh dengan Jama'ah? [<https://web.archive.org/web/20220311090939/https://khilafatulmuslimin.net/faq-khilafatul-muslimin/>, accessed on 05.06.2023].
12. Mengenal apa itu Khilafah (sistem Islam) [<https://web.archive.org/web/20220212203620/https://khilafatulmuslimin.net/dalil-dalil-kekhalifahan/>, accessed on 05.06.2023].
13. Kuipers, N., Nellis, G., Weaver, M. (2019) “Does electing extremist parties increase violence and intolerance?”, *British Journal of Political Science* 1: 1–8.
14. Munandar, M.A. (2022) Kelompok Khilafatul Muslimin Wonogiri Dikenal Tertutup-Emoh Kerja Bakti, *Detik Jateng*, Juni 16 [<https://www.detik.com/jateng/berita/d-6131412/kelompok-khilafatul-muslimin-wonogiri-dikenal-tertutup-emoh-kerja-bakti>, accessed on 05.06.2023].

ного халифата, с одной стороны, и критики своих идеологических противников, с другой. К числу последних были отнесены либералы, капиталисты, коммунисты и сионисты¹⁵. Школа, созданная по инициативе *Hilafatul Muslimin*, относилась к числу тех образовательных мусульманских учреждений, которые вместо того, «чтобы принимать изменения, предлагают учащимся узкую перспективу и, как правило, изолируют их от чужеродных идей»¹⁶.

Дж. Чин полагает, что в Юго-Восточной Азии «не существует единого шаблона или исторической модели стабильной и демократической политической системы»¹⁷, чем и пользуются внесистемные группы, представленные в том числе и сторонниками радикального ислама. Усиление *Hilafatul Muslimin* стало следствием кризиса и постепенного размывания особой модели мусульманской политической культуры, которая в Индонезии была основана на доминировании «Нахдлатул Улама» и «Мухаммадии» как крупнейших общественных организаций уммы. В начале 2020-х гг., по мнению Х. Фансури, эти движения «больше не удовлетворяют потребности городских мусульман»¹⁸, так как постепенно мутировали в направлении превращения в кадровые политические партии, оказавшись связанными с профессиональными политиками больше, чем с уммой. В такой ситуации радикалы активно используют опасения наиболее традиционной части верующих и привлекая мобилизационные ресурсы популистской риторики стремятся потеснить умеренных политиков мусульманской ориентации.

К 2022 г. социальный и культурный облик индонезийских исламистов, связанных с *Hilafatul Muslimin*, мог быть близок к ха-

15. Nasehat dan himbauan. Bandar Lampung, 01 Romadhon 1437 H / 06 Juni 2016 M. [<https://web.archive.org/web/20220311220236/https://khilafatulmuslimin.net/nasehat-khalifah/>, accessed on 05.06.2023].

16. Mutohar, A. (2018) "Countering the rise of radicalism in private Islamic schools in Indonesia", *The Conversation*, May 17 [<https://theconversation.com/countering-the-rise-of-radicalism-in-private-islamic-schools-in-indonesia-96730>, accessed on 05.06.2023].

17. Chin, J. (2021) "Democracy has always been fragile in Southeast Asia. Now, it may be sliding backwards", *The Conversation*, March 31 [<https://theconversation.com/democracy-has-always-been-fragile-in-southeast-asia-now-it-may-be-sliding-backwards-157510>, accessed on 05.06.2023].

18. Fansuri, H. (2022) "Two Reasons Behind the Dwindling Roles of Indonesia's Two Largest Muslim Organisations in Urban Communities", *The Conversation*, February 11 [<https://theconversation.com/two-reasons-behind-the-dwindling-roles-of-indonesias-two-largest-muslim-organisations-in-urban-communities-176038>, accessed on 05.06.2023].

рактеристике, предложенной Тимо Дуйле в отношении сторонников радикального ислама. Для последних может быть характерно активное участие в публичных акциях протеста и принадлежность к низшим социальным слоям индонезийского общества¹⁹. Сторонники движения преподавали примерно в 30 мусульманских школах, формально не связанных с *Hilafatul Muslimin*, что отражает особенность тактики этой радикальной группы — проникать и интегрироваться в уже существующие институты и структуры, используя их для продвижения собственных идей. К 2022 г. в условиях, когда движение избегало контактов с властями, масштаб его влияния оценить сложно. Вероятно, к 2022 г. *Hilafatul Muslimin* была представлена в 16 или 25 регионах страны, а число действовавших ячеек могло превышать 300.

Параллельные государственные структуры *Hilafatul Muslimin* как форма конфронтации исламистов и государства

Особенностью движения стало то, что оно пыталось создать на территории Индонезии фактически параллельные министерства, которые действовали исходя из принципов шариата, отрицая светское законодательство. Его отрицание восходит к идее исламистов, что «на этой земле во все времена не существовало верховенство закона более справедливое и мудрое, чем правление и закон Аллаха»²⁰. В этом отношении сторонники запрещенной группы полагали, что добиваются «создания исламского государства, думая, что действуют от имени религии», хотя фактически их «действия были политически ориентированы»²¹. Поэтому анализируемую в статье группу следует воспринимать в большей степени как участников политического процесса, хотя нередко их участие не является самостоятельным, а сами они становятся объектами манипуляции со стороны светских элит, которые в за-

19. Duile, T. (2017) "Reactionary Islamism in Indonesia", *New Mandala*, April 17 [<https://www.newmandala.org/reactionary-islamism-indonesia/>], accessed on 05.06.2023].

20. Nasehat dan himbauan. Bandar Lampung, 01 Romadhon 1437 H / 06 Juni 2016 M. [<https://web.archive.org/web/20220311220236/https://khilafatulmuslimin.net/nasehat-khalifah/>], accessed on 05.06.2023].

21. Munjid, A. (2019) "For a Peaceful Society, Indonesians Must Stop Using the Word Kafir (infidels) to Describe non-Muslims", *The Conversation*, March 22 [<https://theconversation.com/for-a-peaceful-society-indonesians-must-stop-using-the-word-kafir-infidels-to-describe-non-muslims-113917>].

висимости от ситуации используют исламистов или просто пресекают их активность, запрещая радикальные группы.

Попыткой институционализации такой альтернативной Индонезии как «исламского государства» стало создание *Kampung Khilafah*, то есть «деревни Халифата» на территории Южного Лампунга, в которой проживало 48 семей сторонников движения. В деревне не действовало индонезийское право, а вся жизнь ее обитателей строилась на законах шариата²². Ахмад Мунджид характеризует эту ситуацию как противостояние концепции «плюралистического индонезийского национального государства» и «исламского государства»²³. Исламисты из *Hilafatul Muslimin* четко разграничивали светскую Индонезию и воображаемый ими Халифат, позиционируемый в качестве идеальной модели государственного устройства. Если «в унитарном государстве Республики Индонезия каждому предоставляется свобода отправления культа в соответствии со своими верованиями», то Халифат, по мнению исламистов, должен быть только и исключительно исламским государством и «общиной, призванной объединить умму в универсальную исламскую систему, не имеющую национальных территориальных границ. Это не будет государством, но станет всеобщим поклонением Аллаху»²⁴.

Для идеологии *Hilafatul Muslimin* было характерно противопоставление понятий *negara* («государство») и *khilafah* («халифат»). Поэтому *Hilafatul Muslimin*, вероятно, следует относить к проявлениям «политически пробужденного ислама»²⁵. В этом отношении группа отразила только общий рост популярности таких идей среди индонезийских исламистов, фактически не внося ничего нового в саму концепцию халифата. Абу Сяукат, один из радикальных индонезийских исламистов, связанный с *Hilafatul*

22. Senin, C. (2022) “Khilafatul Muslimin Lampung Timur Bubarkan Diri, Sejumlah Plang dan Atribut Diturunkan”, *Suara Lampung*, Juni 13 [<https://lampung.suara.com/read/2022/06/13/144102/khilafatul-muslimin-lampung-timur-bubarkan-diri-sejumlah-plang-dan-atribut-diturunkan>], accessed on 05.06.2023].

23. Munjid, A. (2019) “Demi Indonesia yang damai, kata kafir memang sebaiknya dihapus”, *The Conversation*, March 12 [<https://theconversation.com/demi-indonesia-yang-damai-kata-kafir-memang-sebaiknya-dihapus-113193>], accessed on 05.06.2023].

24. Apakah tidak termasuk membuat Negara Dalam Negara, bila kita menegakkan Khilafah sementara masih dalam wilayah kedaulatan Negara Kesatuan Republik Indonesia (NKRI)? [<https://web.archive.org/web/20220311090939/https://khilafatulmuslimin.net/faq-khilafatul-muslimin/>], accessed on 05.06.2023].

25. Kessler, C. (2015) “What is ‘Islamism’?”, *New Mandala*, December 1 [<https://www.newmandala.org/what-is-islamism/>].

Muslimin, приговоренный к смертной казни за участие в нападении на посольство Австралии, декларировал, что «Халифат — это то, к чему мы стремимся. Сегодня его фундамент строится на наших глазах... Хотим ли мы быть просто мечтателями, которые хотят увидеть халифат, или быть частью движения моджахедов, борцов, которые борются за создание халифата?»²⁶ Что касается идеологических предпочтений *Hilafatul Muslimin*, то они сводились к поддержке активной борьбы, основанной на отрицании светского государства.

Развитие таких настроений нормально для современной политической культуры Индонезии. Их рост стал следствием объективного увеличения значения ислама. С другой стороны, индонезийское общество «не может принять людей, сомневающихся в религии, не говоря уже об атеистах»²⁷, активно генерируя радикальные исламистские идеи. Поэтому если государство для исламистов не более чем «не универсальная система правления, ограниченная территориальными ареалами», то Халифат — «универсальное и не ограниченное территориальными ареалами объединение мусульман»²⁸. Кроме этого мир ислама в целом воспринимался индонезийскими исламистами как «исламский Халифат, который должен принадлежать мусульманам» в то время, как их собственная организация, то есть *Hilafatul Muslimin* позиционировалась ими в категориях исключительности, как «единая умма и единственная мировая мусульманская община»²⁹, основанная, по их мнению, на подлинных принципах ислама.

Разумеется, симпатии исламистов, связанных с *Hilafatul Muslimin*, были на стороне халифата, воспринимаемого в качестве идеальной модели, что вынуждало их подвергать сомнению легитимность политической системы Индонезии. Попытка вне-

26. Ismail, N. (2017) "Indonesian cleric's support for ISIS increases the security threat", *The Conversation*, July 21 [<https://theconversation.com/indonesian-clerics-support-for-isis-increases-the-security-threat-29271>, accessed on 05.06.2023].

27. Duile, T. (2017) "Kaum sekuler dan ateis Indonesia hidup di bawah bayang-bayang stigma", *The Conversation*, September 13 [<https://theconversation.com/kaum-sekuler-dan-ateis-indonesia-hidup-di-bawah-bayang-bayang-stigma-79662>, accessed on 05.06.2023].

28. Mengenal apa itu Khilafah (sistem Islam). [<https://web.archive.org/web/20220212203620/https://khilafatulmuslimin.net/dalil-dalil-kekhalifahan/>, accessed on 05.06.2023].

29. Latar belakang terbentuknya kembali Khilafatul Muslimin. [<https://web.archive.org/web/20210422232239/https://khilafatulmuslimin.net/latar-belakang/>, accessed on 05.06.2023].

дрения законов шариата фактически означала отказ следовать светским правовым нормам, которые, по мнению исламистов, только подчеркивали

моральное разложение в различных аспектах, что сильно беспокоит верующих, в то время как мусульмане оказались поражены разногласиями от имени разных исламских групп... это привело к тому, что положения закона Аллаха и Его Посланника не могут быть проведены в жизнь³⁰.

Исламистский дискурс воспринимался в качестве альтернативы светскому национализму, а деятельность *Hilafatul Muslimin* была направлена на институционализацию альтернативной идентичности, которая противоречила принципам индонезийского гражданского национализма. Бараджа в начале 2020-х гг. отрицал обвинения в создании альтернативного государства, основанного на принципах ислама, утверждая, что его организация не имеет «проблем с государством, так как признает, что страной руководит президент»³¹, хотя фактически исламисты декларировали необходимость превращения ислама в основу правовой и государственной системы³². Вместе с тем он настаивал на том, что индонезийские верующие «как мусульмане должны иметь лидера, и это касается всех мусульман мира»³³.

В качестве такого лидера радикалами воспринимается халиф, и фигура Бараджи позиционировалась ими в качестве идеального кандидата, если не на уровне ислама в целом, то как минимум для индонезийской уммы. Поэтому, используя возможности проникновения в систему мусульманского образования, сторонники

30. Nasehat dan himbauan. Bandar Lampung, 01 Romadhon 1437 H / 06 Juni 2016 M. [<https://web.archive.org/web/20220311220236/https://khilafatulmuslimin.net/nasehat-khalifah/>, accessed on 05.06.2023].

31. Bakrie. (2019) "Dikaitkan Teroris, Khilafatul Muslimin Klaim Dakwah Khilafah Tanpa Kekerasan", *Detik News*, Desember 3 [<https://news.detik.com/berita/d-4807650/dikaitkan-teroris-khilafatul-muslimin-klaim-dakwah-khilafah-tanpa-kekerasan>, accessed on 05.06.2023].

32. Latar belakang terbentuknya kembali Khilafatul Muslimin. [<https://web.archive.org/web/20210422232239/https://khilafatulmuslimin.net/latar-belakang/>, accessed on 05.06.2023].

33. Bakrie. (2019) "Dikaitkan Teroris, Khilafatul Muslimin Klaim Dakwah Khilafah Tanpa Kekerasan", *Detik News*, Desember 3 [<https://news.detik.com/berita/d-4807650/dikaitkan-teroris-khilafatul-muslimin-klaim-dakwah-khilafah-tanpa-kekerasan>, accessed on 05.06.2023].

движения, с одной стороны, продвигали идеи отказа от изучения панчасилы и действующей конституции, настаивая на том, что официальные государственные символы республики (герб, флаг и гимн) не соотносятся с принципами шариата. С другой стороны, в качестве универсальной, по их мнению, альтернативы, ими предлагалось признавать только флаг халифата, отрицать Индонезию как светское государство и признавать исключительно халифат как наиболее приемлемую форму политической организации мусульман.

Понимая противоречие концепции халифата с принципами панчасилы и принимая во внимание то, что Фронт защитников ислама частично пострадал из-за критики последней, Бараджаа ее открыто не отрицал, подчеркивая, что халифат санкционирует панчасилу, хотя такая интерпретация государственной идеологии, разумеется, светские власти Индонезии не могла удовлетворить. В этой ситуации элиты Индонезии осознали угрозу *Hilafatul Muslimin*, поняв, что ее опасность состоит в медленной инфильтрации идей радикального ислама в общество, что было опасно генезисом неорганизованного протеста, который было сложнее отследить и пресечь.

«Параллельный ислам» в политической культуре 1998–2022 гг.

Существование *Hilafatul Muslimin* в Индонезии свидетельствовало в значительной степени о слабости сложившейся в стране модели светской политической культуры, точнее, по мнению индонезийских экспертов Рафики Куррат Аюн и Абдила Мугиса Мудхоффира, о «слабости институциональной структуры»³⁴ индонезийской государственности. Известно, что «после демократизации Индонезии в 1998 году она широко рассматривалась и воспринималась как образец религиозной терпимости и плюрализма в мусульманском мире»³⁵. Вместе с тем регулярные запреты радикальных исламистских групп и их последующая политическая и организационная реинкарнация в форме идеологически

34. A'yun, R. Q., Mudhoffir, A. M. (2021) "Mengapa reformasi hukum di Indonesia kerap buntu?", *The Conversation*, October 4 [<https://theconversation.com/mengapa-reformasi-hukum-di-indonesia-kerap-buntu-168270>, accessed on 05.06.2023].

35. Menchik, J. (2017) "Is Indonesia's 'pious democracy' safe from Islamic extremism?" *The Conversation*, July 5 [<https://theconversation.com/is-indonesias-pious-democracy-safe-from-islamic-extremism-79239>, accessed on 05.06.2023].

родственных или даже более радикальных политических течений свидетельствуют о том, что сложившаяся в Индонезии модель работает не столь эффективно, как предполагалось.

Причины ликвидации *Hilafatul Muslimin* в современной Индонезии имеют почти исключительно политический характер и связаны с особенностями электорального цикла. Как известно, индонезийские политические элиты, которые пребывают у власти начиная с 1998 г., то есть после начала демократизации, склонны воспринимать ислам прагматически и использовать его в качестве инструмента политической мобилизации потенциальных избирателей.

Например, в 2017 г. в условиях приближения к президентским выборам 2019 г., была ликвидирована «Хизб-ут-Тахрир Индонезия», а в 2020 г. — перед выборами 2024 г. — прекратил свое существование Фронт защитников ислама. Принимая во внимание, что существовавший до 1998 г. режим «нового порядка» видел именно в радикальном политическом исламе основную угрозу, что вынуждало элиты периодически применять меры репрессивного характера, то последовательное пресечение активности радикалов на протяжении 2017–2022 гг. позволяет некоторым экспертам указывать на то, что в Индонезии стали более заметны тенденции отхода от достижений демократизации в направлении реставрации «нового порядка», определяемого как «неоновый порядок»³⁶.

Если до 2020 г. политические элиты стремились зачищать пространство индонезийской политики выборочно и точно, то в первой половине 2020-х гг. частота акций, направленных против радикального ислама, начала возрастать. Именно об этом свидетельствует запрет в 2020 и 2022 гг. Фронта и *Hilafatul Muslimin*, а также фактическое создание условий максимального неблагоприятствования для исламистов, которые существенно замедляют темпы их реконсолидации накануне выборов 2024 г. Кроме этого полицейские меры воздействия против исламистов в 2020 и 2022 гг., которые проявились в запрете двух исламистских организаций — формально крупнейшей и фактически самой радикальной — в целом вписываются в ту модель политической культуры, которая сложилась в современной Индонезии

36. Lindsey, T. (2018) "Is Indonesia retreating from democracy?", *The Conversation*, July 9 [https://theconversation.com/is-indonesia-retreating-from-democracy-99211, accessed on 05.06.2023].

после 1998 г., но генетически восходит к тем практикам коммуникации и взаимодействия, которые доминировали в период «нового порядка».

В этом контексте речь идет о склонности правящих элит активно использовать как язык политической нетерпимости для формирования образов Другого (что, впрочем, сближает их с радикальными мусульманами), так и бороться против идеологических оппонентов не только парламентскими, но полицейскими и административными методами. Поэтому статус и положение ислама в современной политической системе Индонезии отличается определенной двойственностью. С одной стороны, формально никто не ставит под сомнение универсальность формулы-аббревиатуры sipilis³⁷, согласно которой секуляризм (*sekularism*), плюрализм (*pluralism*) и либерализм (*liberalism*) совместимы с исламом. С другой, последнему отведена в сложившейся системе второстепенная роль как силы, которая является источником символической легитимации решений, принимаемых за пределами уммы ее формальными членами, то есть теми политическими группами, которые формируют элиты.

Правящие элиты используют ислам в своих целях, что предусматривает и продвижение концептов политической и идеологической инаковости. В такой ситуации на статус этого универсального Другого претендуют сторонники радикального ислама, которые в Индонезии, приближающейся к выборам 2024 г., периодически становятся жертвами политически мотивированных преследований. Политический ислам в Индонезии оказался в состоянии эффективно «использовать демократию для продвижения своих консервативных устремлений, тем самым изменяя демократический ландшафт страны»³⁸, в котором радикальным группам типа «Фронт защитников ислама» и *Hilafatul Muslimin* до их ликвидации в 2020 и 2022 гг. было не менее комфортно, чем светским политическим партиям. Либерализация индонезийского общества не привела к усилению в умме демократических либеральных тенденций, превратив традиционалистов — от умерен-

37. Mudhoffir, A. M. (2017) "Should We Worry About Islamism in Indonesia?" *The Conversation*, May 12 [<https://theconversation.com/should-we-worry-about-islamism-in-indonesia-77480>].

38. Alvian, R. (2017) "Political Islam Navigates and Changes Indonesia's Democratic Landscape", *The Conversation*, October 18 [<https://theconversation.com/political-islam-navigates-and-changes-indonesias-democratic-landscape-84918>, accessed on 05.06.2023].

ных консерваторов до радикалов — в создателей мусульманского общественного мнения. Политика, направленная на усиление и продвижение умеренных консерваторов в умме и их назначения на государственные посты, началась в 1990-е гг. при Сухарто и фактически была продолжена после 1998 г. Таким образом, сложилась в определенной степени парадоксальная ситуация. В условиях демократизации умма получила больше свободы. Этим активно воспользовались консерваторы и радикалы, склонные воспринимать себя в качестве поборников и защитников подлинного ислама. Именно этот процесс усиления сторонников радикального ислама в умме без участия умеренных стал стимулом для роста радикальных и внесистемных тенденций.

Австралийский политолог Д. Томса полагает, что «нет никаких сомнений в том, что избиратели-исламисты чувствуют себя плохо представленными в существующих в настоящее время политических партиях»³⁹, что и вынуждает их ассоциировать свои интересы с радикальными группами. В этом отношении запрет «Фронта защитников ислама» в 2020 г. и *Hilafatul Muslimin* в 2022 г. показывает то, что политические элиты Индонезии медленно, но последовательно приходят к пониманию того, что «невозможно полагаться на плюралистический или толерантный ислам, который плохо организован и не имеет большой социальной или политической базы»⁴⁰, что вынуждает их использовать меры политического и административного давления. Поэтому, если общество не в состоянии выработать иммунитет перед радикальным исламом, то задачу борьбы с ним берет на себя государство, делая это доступными ему способами.

Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что, ограничивая, пресекая и запрещая деятельность радикальных исламистов, власти фактически усиливают кадровые политические партии, периодически апеллирующие к чувствам верующих. Их действия предсказуемы и прогнозируемы и поэтому не столь явно представляют угрозу для властей Индонезии, в отличие

39. Tomsa, D. (2020) "Will the Born-again Masyumi Party Shake up Indonesia's Islamic politics?" *The Conversation*, December 16 [<https://theconversation.com/will-the-born-again-masyumi-party-shake-up-indonesias-islamic-politics-151547>, accessed on 05.06.2023].

40. Souisa, H. Y., Wulandari, P. R. (2017) "Indonesia Takes an Ultra-Nationalist Primatia Romana Turn Against Islamic Populism", *The Conversation*, October 30 [<https://theconversation.com/indonesia-takes-an-ultra-nationalist-turn-against-islamic-populism-86341>, accessed on 05.06.2023].

от активности радикальных исламистов, которую крайне сложно отследить, так как последние нередко игнорируют формальные предписания, избегают регистрации и обязательного обнародования данных о своей деятельности, не только пребывая «в тени», но и создавая параллельные и альтернативные институты.

Ликвидация *Hilafatul Muslimin* в 2022 г.

К моменту запрета в 2022 г., таким образом, *Hilafatul Muslimin* занимала особое место среди индонезийских исламистских групп, являясь фактически к тому времени самой массовой радикальной организацией не просто исламистской, но панисламистской направленности. Вместе с тем к 2022 г., несмотря на свое формальное значение среди сторонников исламизма, *Hilafatul Muslimin* не смогла преодолеть регионального характера, ограниченного Бандар-Лампунгом, и не стала в полной мере национальной индонезийской партией. Однако группа успешно скрывалась от излишнего внимания со стороны властей, которые еще в 2019 г. продекларировали начало «политики нулевой терпимости» в отношении исламистов⁴¹.

К 2022 г. *Hilafatul Muslimin* смогла адаптироваться к особенностям сложившегося политического режима и формально отрицала необходимость применения и использования насилия ради достижения основной декларируемой цели — установления всемирного халифата. Вместе с тем склонность использовать возможности, представляемые тем режимом, который сложился в результате демократизации, начавшейся в 1998 г., привели к фактическому запрету *Hilafatul Muslimin*, которая в 2022 г. попыталась начать информационную кампанию с целью популяризации идеи превращения Индонезии в халифат, что противоречило как светскому характеру индонезийской государственности, так и основным положениям панчасилы. Лидер движения, Абдул Кадир Хасан Бараджа, повторил судьбу руководства «Фронта защитников ислама» и был арестован. В связи с этим индонезийские СМИ сообщали, что ему, как одному из лидеров исламистов, может грозить наказание от 5 до 15 лет заключения⁴². Репрессии

41. Nuraniyah, N. (2021) "The Costs of Repressing Islamists", *New Mandala*, October 29 [https://www.newmandala.org/the-costs-of-repressing-islamists/, accessed on 05.06.2023].

42. "Pemimpin Khilafatul Muslimin ditetapkan sebagai tersangka" (2022), *Antara News*, Juni 7 [https://www.antaranews.com/berita/2924701/pemimpin-khilafatul-muslimin-ditetapkan-sebagai-terangka, accessed on 05.06.2023].

против исламистов вызывают разные оценки международного экспертного сообщества. С одной стороны, большинство аналитиков, которые вовлечены в изучение современного политического ислама в Индонезии, вынуждены признавать бесспорные тенденции его радикализации, что не может не вызывать беспокойства и озабоченности, так как исламисты отрицают светские и демократические основания государственности, настаивая на ее переустройстве на основах ислама, то есть фактически в превращении республики в исламское государство. С другой стороны, преследование радикальных исламистов воспринимается в более широком контексте, определяясь как один из элементов политики наступления на гражданское общество. Поэтому запрет радикальных групп описывается как признак «нелиберальных тенденций» в рамках «нелиберального поворота»⁴³.

В июне 2022 г. в рамках борьбы с движением полиция провела серию обысков в его офисах, в результате чего были найдены не только материалы экстремистского содержания, но и обнаружены нарушения налогового законодательства. Лидеры *Hilafatul Muslimin* хранили крупные суммы в национальной валюте, которые, вероятно, представляли собой неучтенные пожертвования. В этой ситуации странной остается нерешительность властей Индонезии в отношении борьбы с радикальным исламом: если «Фронт защитников ислама», который ставил под сомнение основные принципы современной государственности Индонезии, но открыто не был замечен в связях с откровенно экстремистскими группами⁴⁴, был ликвидирован только в конце 2020 г., то более радикальная *Hilafatul Muslimin* была упразднена только в июне 2022 г.⁴⁵

43. Laksmana, E. A. (2017) "Apakah penggunaan istilah belokan 'illiberal' bermanfaat bagi demokrasi Indonesia?", *The Conversation*, November 29 [<https://theconversation.com/apakah-penggunaan-istilah-belokan-illiberal-bermanfaat-bagi-demokrasi-indonesia-88084>, accessed on 05.06.2023].

44. Utomo, D. (2022) "Amir Khilafatul Muslimin Surabaya Ditahan, Polisi Dalam Bendera Mirip HTI", *Detik*, Juni 10 [<https://www.detik.com/jatim/hukum-dan-kriminal/d-6121313/amir-khilafatul-muslimin-surabaya-ditahan-polisi-dalam-bendera-mirip-hti>, accessed on 05.06.2023].

45. Nafiyanti, S. (2022) "Khilafatul Muslimin Ternyata Ada Juga di Jepara, Tapi Sepakat Bubar, Begini Kronologinya", *Suara Merdeka*, Juni 14 [<https://muria.suaramerdeka.com/nasional/pr-073622465/khilafatul-muslimin-ternyata-ada-juga-di-jepara-tapi-sepakat-bubar-begini-kronologinya>, accessed on 05.06.2023].

Выводы

Генезис, появление и функционирование *Hilafatul Muslimin* актуализировали как исторически сложившиеся особенности политического ислама в Индонезии, так и противоречия его институционального статуса в рамках индонезийского общества и политического режима. Возникнув в период «нового порядка», группа так и не смогла, в отличие от других мусульманских движений, стать его структурным и системным элементом. Сторонники радикального ислама, связанные с ней, оказались не в состоянии интегрироваться и в новое индонезийское общество, которое сложилось в результате демократизации, начавшейся в 1998 г. Важнейшей идеологической и институциональной характеристикой движения в ситуации фактической маргинальности была ее связь с другими радикальными группами, как разрешенными индонезийскими, так и запрещенными, связанными с международным терроризмом.

Новые тенденции в истории движения стали заметны в конце 2020 г., что было связано с запретом «Фронта защитников ислама», который использовался *Hilafatul Muslimin* для действий в публичном поле, так как радикалы предпочитали использовать именно Фронт, не афишируя собственную активность. В этой ситуации, ознаменованной проведением новой, более решительной и последовательной, политики в отношении исламских радикалов, проводимой властями Индонезии, запрет *Hilafatul Muslimin* стал только вопросом времени. Сторонники группы не смогли воспользоваться новыми преимуществами, которые возникли после запрета деятельности Фронта. Движение оказалось не в состоянии эффективно и успешно как взаимодействовать, так и конкурировать с другими участниками и игроками исламистского лагеря в исламистском пространстве современной Индонезии, которые на протяжении 2020–2022 гг. пытались консолидироваться.

Поэтому *Hilafatul Muslimin* оказалась практически не вовлеченной в консультацию исламистов, которые касались их консолидации на партийном уровне. Вместо того чтобы попытаться интегрироваться в формальное и неформальное «распределение труда» между умеренными исламистами и светскими политическими партиями, *Hilafatul Muslimin* пошла по пути еще большей радикализации, которая в итоге и предопределила ее маргинализацию. Доминирование именно таких тенденций в функциониро-

вании группы, вероятно, привело к тому, что в июне 2022 г. она стала еще одной жертвой политики дерадикализации, проводимой современными светскими властями в союзе с умеренными организациями, контролирующими умму.

В целом, история деятельности и запрета *Hilafatul Muslimin* вписывается в логику конфронтационной модели развития отношений светского государства и радикального ислама. Политический опыт этой группы демонстрирует объективные сложности и трудности сторонников радикального ислама, пытающихся интегрироваться в партийно-политическую систему. Вместе с тем ликвидация группы указывает на решимость светского режима и связанного с ним умеренного ислама последовательно проводить политику дерадикализации уммы, ликвидируя внесистемные экстремистские тенденции и поддерживая лояльные течения, принимающие сложившиеся правила сотрудничества верующих и элит.

Библиография / References

- Другов А. Ю. Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии // Религия и общество на Востоке. 2020. № 4. С. 230–254.
- Кирчанів М. В. Індонезійський ісламизм як маргінальний випадок розвитку політичного ісламу в мусульманській країні // Східний світ. 2021. № 3. С. 107–122.
- Кирчанов М. В. Институционализированные формы радикального ислама в Индонезии 2010-х гг. // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 263–283.
- Кирчанов М. В. Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 г.: исламизм на распутье // Юго-Восточная Азия. 2021. № 2. С. 130–141.
- Кирчанов М. В. «Изобретенные традиции» индонезийского либерального ислама 2000-х — первой половины 2010-х годов // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–29.
- Рогожина Н. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 27–36.
- Файншмидт Р. И. Факторы радикализации ислама в Индонезии в конце XX — начале XXI в. // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 285–289.
- Drugov, A. Yu. (2020) “Musul’manskii radikalizm i terrorizm v sovremennoi Indonezii” [Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia], *Religiia i obshchestvo na Vostoke* 4: 230–254.
- Faynshmidt, R. I. (2021) “Fakторы radikalizatsii islama v Indonezii v kontse XX — nachale XXI v.” [Factors of radicalization of Islam in Indonesia at the end of the 20th — beginning of the 21st century], *Vlast’* 29(4): 285–289.
- Formichi, C. (2021) *Religious Pluralism in Indonesia: Threats and Opportunities for Democracy*. Cornell: Southeast Asia Program Publications.
- Kirchanov, M. V. (2021) “Informatsionnaia povestka indoneziiskikh islamistov v nachale 2021 g.: islamizm na rasput’e” [Information agenda of Indonesian Islamists in early 2021: Islamism at the crossroads], *Yugo-Vostochnaia Aziia* 2: 130–141.

- Kirchanov, M. V. (2021) "Institutsionalizirovannyye formy radikal'nogo islama v Indonezii 2010-kh gg." [Institutionalized Forms of Radical Islam in Indonesia in the 2010s], *Minbar. Islamic Studies* 14(2): 263–283.
- Kirchanov, M. V. (2021) "Izobretennyye traditsii' indoneziiskogo liberal'nogo islama 2000-kh — pervoi poloviny 2010-kh godov" [Invented Traditions" of Indonesian Liberal Islam in the 2000s — the First Half of the 2010s], *Islamovedenie* 12(1): 16–29.
- Hadi, S. (2013) "Negara Islam Indonesia: konsepsi shajarah tayyibah dalam konstruk Negara Islam" ["Indonesian Islamic State: the conception of *shajarah tayyibah* in the construct of an Islamic State"], *Journal of Qur'an and Hadith Studies* 2(1): 87–104.
- Kuipers, N., Nellis, G., Weaver, M. (2019) "Does electing extremist parties increase violence and intolerance?", *British Journal of Political Science* 1: 1–8.
- Kyrchaniv, M. V. (2021) "Indoneziis'kyj islamizm iak markhinal'nyi vypadok rozvytku politychnoho islamu v musul'mans'kii kraïini" [Indonesian Islamism as a marginal case of the development of political Islam in a Muslim country], *Skhidnyy svit* 3: 107–122.
- Rogozhina, N. (2020) "Bor'ba s islamskim terrorizmom v Yugo-Vostochnoy Azii" [Combating Islamic Terrorism in Southeast Asia], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* 64(8): 27–36.
- Solahudin (2013) *The Roots of Terrorism in Indonesia: From Darul Islam to Jem'ah Islamiyah*. Cornell: Cornell University Press.